

Таня Скарынкина

большой
ЧЕСЛАВ
МИЛОШ
маленький
ЭЛВИС
ПРЕСЛИ

ТАНЯ СКАРЫНКИНА

**БОЛЬШОЙ ЧЕСЛАВ МИЛОШ,
МАЛЕНЬКИЙ ЭЛВИС ПРЕСЛИ**

(Белорусские документальные сказки)

Издательство
ПЛАНЖ

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
С42

Большой Чеслав Милош, маленький Элвис Пресли/ Таня Скаринкина;
Москва: Издательство ПЛАНЖ, 2020 – 160 с.

ISBN 978-5-6040912-4-1

Сборник эссе, переведённый автором на русский язык, вошёл в короткий список главной белорусской литературной премии им. Ежи Гедройца – издателя, публициста и мемуариста. Благодаря переводческой премии Лондонского ПЕН-клуба книга вышла в Эдинбурге в издательстве Scotland Street Press под названием «A Large Czesław Miłosz With a Dash of Elvis Presley». В оригинале называется «Шмат Чэслава Мілаша, крыху Элвіса Прэслі», что немного отличается по смыслу и от английского названия, и от русскоязычного. Но и сама книга для русского издания была во многом изменена, добавлены новые факты, касающиеся героев историй, ведь она была написана ещё в 2014 году. Книга рассказывает об особенностях повседневной жизни в белорусском райцентре. Жизни, полной совпадений и противоречий. Юмора и грубости. Уважения и подозрительности. Дружбы и смерти. Искренности и фальши. Местечкового языка и моды.

© Таня Скаринкина, 2020
© Издательство «ПЛАНЖ», 2020
ISBN978-5-6040912-4-1

МЕЛЬНИЦА, БОРДЕЛЬ, ЖЕЛЕЗНАЯ ГОРКА

Три магических места было в городе детства.

Водяная мельница, двухэтажный бордель и железная горка. Мельница стояла на окраине города у леса. Когда я родилась, мельница уже не работала. Но на развалины крупные и опасные мы с ребятами не решались влезать и только подглядывали в щели за сумасшедшей девицей, живущей в недалёкой от мельницы избушке. Девица бродила по верхним балкам строения, рискуя сорваться с головокружительной высоты на камни в воде, и пела звонкие песни по-польски. Девица носила яркий сарафан, крупные бусы в тон. И была, на детский вкус, журнальной красавицей. Несмотря на то, что на мельнице давным-давно никто ничего не мелет, один из городских автобусов до сих пор называется «Вокзал-Мельница». Неофициально, в разговорах старожилов. Так-то маршрут переименовали, как и остальные маршруты, вместе со старыми названиями улиц, которые жители упорно используют. Они красивее и правдивее. Улица, по которой четыре раза в день курсирует автобус «Вокзал-Мельница», называется Вилейской, потому что ведёт к реке Вилия. А кто такой Каминский, именем которого переназвали Вилейскую в советские годы? Одни говорили, что революционер, другие — героический милиционер, третьи вовсе сказать ничего о Каминском не имели ни хорошего, ни плохого. Но Вилию знали, знают, и будут знать. И улицу именем реки Вилии называть.

Однажды я вышла в субботний вечер и встретила двоюродного Вову. Вова курил за костёлом, поджидая жену с имшы, католического моленья. И я покурила с ним.

— Вова, что ты знаешь про мельницу?

— Пастроілі гэта ў 39-м трохэтажнае страеніе. Кагда я быў малы, на ім работалі тры мельніка. Са ўсяго раёна туды вазілі зярно. І частнікі, і з гасударственных арганізацый. А прымерна ў 1970-м годзе закрылі. У мяне ёсць фатаграфія, гдзе я на фоне мельніцы.

— Поищи её для меня.

— Добра, пашукаю (хорошо, поищу — здесь и далее в скобках перевод с белорусского).

И нашёл.

Вова в ушанке и телогрейке с клюшкой самодельной. А мельница значительно меньше размером, чем выросла в моих фантазиях с императорский китайский дворец. Снился мне сон о ней. Будто иду с незнакомой ватагой по просёлочной дороге, с нами пастух «пастыр Белакур» (пастыр — пастух), о котором рассказывала мама, что деревенских коров и овец пас, жил по очереди в домах. Пастыр на скрипке играл. Вечерами, когда собирались танцы, подсаживался к музыкантам. Денег за это не брал, музыканты же брали. Просто нравилось Белакуру подыгрывать музыкальному коллективу. Чистый был, даже «стерильный». Брюки «корт0вые» (корт — разновидность хлопчатобумажной ткани), ни пятнышка, отутюжены идеально. Имел большую тыквообразную голову, бритую «на кочан». Рубашку белейшую. Пастыр в белой рубахе был и во сне. Тыквоголовый, согласно маминому описанию. Босой,

и мы босыми пятками взбиваем пыль. Вот мельница. Далеко внизу колесо деревянное, от времени и работы почти чёрное, но оно не крутится, зато вокруг, раскинувшись звёздочками, плавают русалочки. Маленькие, размером с молочную бутылку, лицами вниз. В белых до пяток трапециевидных платъицах. И не видно из-за длинной одежды, имеют ли хвосты они. Мы наклонились вниз, сильно рискуя не только упасть с высоты, но ещё и по той причине, что если русалочка перевернётся на спину и заглянет в глаза, то человек пропал. На них смотреть — запрет. Одна перевернулась, глянула на пастыра. Тут мы поторопились уйти. Пастыр с нами ушёл недалеко. Замедлял-замедлял ход. После остановился и, неохотно загребая ногами песок, вернулся к русалочкам. Мы шли, не оборачиваясь в тоскливом страхе и уверенности, что больше пастыра Белакура не встретим никогда. Страшно даже было думать о том, как русалочки обошлись с пастырОм.

Соседний с городским судом с одной стороны и милицией с другой, жилой дом имел несвойственную для наших мест архитектуру: деревянные веранды по оба торца. Ходили слухи, будто внутри обычного на вид строения — бордель. Дети слухам верили. Никто не понимал значения слова. У взрослых не спрашивали, чтобы не нарваться на деланное непонимание. Вот я в пять лет спросила у мамы, воспользовавшись удобным случаем, когда мама ковырялась в вечно проворачивающем ключ замке:
— Мама, а что такое б...ь (не «бордель», а та, кто там работает - прим. авт.)?

Спина мамы замерла на миг и ответила отдельно, не поворачиваясь к вопрошающему голосу:

— Танечка, гэта очэнь плахое слова.

И всё.

Поэтому смысла никакого спрашивать не было. Шёпотом судачили о мутных делах в тёмных комнатах за занавешенными окнами борделя. Страшились таинственного дома, глядели на него издалека. Ходили слухи, будто в светлое время дня никто оттуда не выходит и не заходит внутрь. В год окончания школы дом подтвердил свою таинственную репутацию, когда, гуляя с подружкой после дискотеки, увидели мы прямо над крышей «борделя» НЛО. По форме куриное яйцо. Размером раз в двадцать больше луны, которая мирно паслась невысоко над трубой. Яйцо мерцало ровным желтковым светом, имело нечёткие края. Вид его действовал успокаивающе, но моя компаньонка внезапно завизжала и бросилась в сторону огней спасительных центральных, а я побежала следом, успокаивать. И немного от страха тоже. Я недавно ходила разглядывать дом. Он совсем не изменился. Что там у него внутри?

Саша С., друг и гитарист, когда мы вспоминали домик в качестве борделя, смешно рассказывал о том, как сосед его спросил:

— Саша, как бы ты отнёсся к тому, чтобы в нашем городе открыли публичный дом?

— Не знаю, - растерялся тогда ещё 10-летний Саша. Он впервые слышал подобное словосочетание.

— А я бы отнёсся очень хорошо! — с готовностью ответил 30-летний дворовый приятель Славик С., книжник и краевед, который умер молодым, так и

не дождавшись осуществления мечты. Но если б и остался жить, то с тем же результатом без публичного дома в Сморгони.

И горка. Железная горка в парке военного городка. Высотная, с космический трамплин. И всякий раз скатываясь, ты совершал прыжок в открытый космос. Она ещё пружинила в самом конце спуска и больно подбивала под зад. Горка по-прежнему на том же месте. Сверкает раскатанным несколькими поколениями металлическим языком. Я обрадовалась ей как школьной подруге, вернувшись после 5-летнего пребывания из дальней страны Португалии. И воскресным утром 25 мая 2014 года, в день, когда на открытой площадке костёла Святого Михала-Архангела, самого древнего, конца 15-го века строения в городе, китаец в малиновой шапочке, прибывший к нам прямо из Ватикана, поздравлял горожан-католиков с 25-летием возобновления работы костёла после долгих лет запрета на веру и мольбу, и это было отлично слышно благодаря мощным костельным колонкам на всю окрестность, я поднялась крутыми деревянными ступеньками и повторила детский полёт с горки вниз. Горка тёплая и гладкая волшебным способом устроила так, что весь последующий день был значительнее многих дней жизни. И не только для меня. Я слышала вечером, как две соседки в частном секторе переговаривались из огородов:

— Я в таком возбуждении от костёла, ночь спать не буду, столько мыслей.

— Ой, Ирочка, спи спокойно. Всё будет, как было.

ОБЪЯТИЯ

Я не сразу заметила, что по дороге на базар напеваю песенку.

Из фильма Георгия Данелии «Слёзы капали»:

*Капли падают на крышу,
дождь грибной идёт.
Будто где-то в барабаны
барабанщик бьёт.*

*Дождь и солнце означают
перелом в судьбе.
Босиком по звонким лужам
я бегу к тебе.*

В фильме сюжет перекликается со сказкой Ганса Христиана Андерсена «Снежная королева»: тролли носились по небу с волшебным зеркалом и, в конце концов, разбили. Песенка без умысла пелась (после, известное дело, выяснится, что пелась она не просто так), как обычно поются незатейливые песенки человеком в отличном настроении, которого ноги сами несут в хорошее место. По дороге я нашла стреляную гильзу и положила в сумку. Всегда кладу в сумку подарки неба, и они пригождаются. По дороге знакомой маленькой девочке предложила гильзу в качестве сувенира. Девочка замаялась, а мама девочки, пряча глаза, пояснила, что дочь больше любит обычные игрушки — куколок. Очень маленьких, но всё-таки не гильзы. На базаре, набрав ворох пёстро-го сэкондного добра, я направилась в дальнюю примерочную. Не спеша одну за другой переодеваю одёжки и вдруг — страшный грохот падающего стекла. Это разбилось зеркало в соседней кабинке.

Кого-то отправили за директором базара. Уборщица шумно взялась подметать. Я не знала до этого дня, что зеркало бьётся с такой мощью.

А когда вышла из раздевалки в солнечный август, вдруг как что-то взорвалось. Весь рынок встрепенулся. Забурлил обсуждениями. Болтали, что то ли шина лопнула, то ли врезался кто-то в кого-то. Но звук как от настоящей бомбы. Вот какие последствия имеют случайная песенка и стреляная гильза.

По дороге из раздевалки я встретила С., хорошего, в целом, но равнодушного к одежде парня. Он спросил, неодобрительно оглядев грудку тряпья у меня в руках:

— В предприниматели решила записаться?

— Нет, дань моде отдаю периодически.

— Я тебя видел несколько раз в городе, но ты не обращала внимания.

— Видимо, ты смотрел без энтузиазма.

И тут замечаю О., которая вяло бродит вдоль торговых рядов. Я давно мечтала увидеть старую подругу, ходила не раз вечерами под окнами, но свет не горел. Думала, что уехала О. из города насовсем.

— О.! — зову я О.

О. бежит навстречу, раскинув тонкие руки.

— Такой энтузиазм имеешь в виду? — спрашивает с улыбкой С.

— Именно!

С. уходит посрамлённый. Мы обнимаемся с О.

Разбитое зеркало и неизвестной природы взрыв были предшественниками объятий с О., сейчас я это знаю наверняка. Два показательных знака без последствий не случаются.

— Ради чего разбиваться-взрываться без причины?
— задаю вопрос мирозданию.
— Просто так ничего не происходит, — отвечает оно.
— Дружеские объятия, — продолжает свою мысль мироздание, — лучшее из того, что может случиться с человеком.

Я согласно киваю головой. Я готова обнять мироздание за согласованность наших взглядов.

Скажу больше, я коллекционирую объятия, подпитываясь их невидимой силой. С некоторых пор это стало нормой жизни — обниматься. Как из Португалии вернулась, да как стали со мной обниматься, и как стала я обнимать в ответ. Откуда взялось такое число сторонников телесного контакта? А это друзья из сети развиртуализируются потихоньку. Самое удивительное, до недавних пор я думала, что они немножко призраки. А они мало того, что живые, так ещё и настоящие друзья. Обниматься поначалу было трудновато. Провинциальная негибкость. А потом ничего, привыкла. Теперь даже люблю и не бросаюсь в сторону от рук протянутых. Но первая пока не обнимаюсь. До этого ещё дорасти надо.

Между тем в кино всегда трогали сцены и слова про объятия. Как в фильме Педро Альмадовара «Поговори с ней» (Hable con ella) 2002 года, где друг главного героя, находясь в тюрьме, сожалеет, что не может обняться с главным героем, который пришёл к нему на свидание. Мало того, их разделяет звуконепроницаемое стекло, и нужно говорить по телефону. Всегда особенно сильно плачу в этом месте. А слегка поплакиваю на протяжении всего фильма. Такой уж человек Альмадовар, разжалобит и денег не возьмёт. Кстати,

давно не пересматривала это кино. Интересно, как отзовётся в черствеющем от возраста сердце диалог через телефонные трубки в приёмном тюремном покое? Рискнула и включила. Вот он, момент истины:

— *Привет, друг,* — здороваётся главный герой-журналист, автор путеводителей, с другом-преступником, бывшим медбротом.

— *Привет, промок? Не простудись, выпей стакан молока с мёдом, когда вернёшься домой.*

— *Ладно. Как ты?*

— *Я хотел бы тебя обнять.*

Главный герой прикладывает ладонь к стеклу, разделяющему мир свободных и наказанных. Заключённый друг целует свою ладонь как для воздушного поцелуя и прикладывает её со своей разделительной стороны. Не выдержала, как всегда. Заплакала.

Альмадовар первый, кто повернул лицом к объятиям. Но нужно было пройти длиннейший жизненный путь, прежде чем научиться делать это искренне. В действительности это тяжёлое занятие. Недаром где-то за границей живёт, говорят, девушка, которая за деньги искусно обнимается. Она даже работу основную бросила. Только лежит на диване с раскинутыми для объятий руками. Сначала наверно сидела, но устала.

Кто-то скажет: подумаешь. А попробуйте. Меня, например, с детства мучили во время праздничных семейных визитов:

— Обними тётю Марию.

Я забивалась в угол. А Мария требовала:

— Божа ж мой, што за дракон! Цяжка прытуліцца.

Другие племянники и племянницы скок к тётке. Им конфеты. А я не могла и не могла. Читать про объятия могла. Плакать над ними в кино. Даже стихи писать:

«Мы неловко пытаемся выжить»

*Мы неловко пытаемся выжить
с помощью книжек или кино
глянуть со стороны это просто смешно
и очень редко красиво*

*как было к примеру в одном английском фильме
где главный герой признавался сестре своей родной
со всею тоской на какую был только способен:*

— Мои руки не запятнаны любовью —

и глаза его наполнились слезами страдания.

— Как подумаю —

перед этим сказала она

— где побывали твои руки

*мне в горло не лезет завтрак
приготовленный тобой
после того как узнала
что ты «голубой».*

*В ответ он ей глянул прямо в лицо
с горечью и со всей своей добротой
на какую был только способен:*

— Вот мои руки —

*он расправил
тяжёлыми лапами
ирландского кондуктора
складки на скатерти:*

— *Вот руки мои взгляни
и они
за семьдесят лет моей жизни
незапятнаны никакой любовью*

*и они
никогда не знали объятий
так что ешь спокойно не бойся
приятного аппетита.*

Стихотворение как результат большой дозы вдохновения от просмотра киноленты Сури Кришнаммы «Любовь без имени» (A Man of No Importance) 1994 года. Хотя объятия, на которые намекает «кондуктор», не совсем дружеские. Но ведь они и не случились.

ПАНАМА И СМЕРТЬ

Этим летом я приблизилась к «Смерти в Венеции». К фильму «Morte A Venezia» 1971 года. Купила панаму а-ля Тадзю, Тадик, Тадеуш. Главный герой новеллы Томаса Манна и киноленты Лукино Висконти, которого играет 16-летний шведский золотоголовый мальчик Бьорн Андресен. К сожалению, моя панамы не белая, в отличие от панамы Тадзю. Могла бы и белую, конечно, если бы на полгода раньше вернулась из Португалии. Ведь продавщица из любимого сэконда говорила, что такая, как моя, была в их магазине только однажды, ровно год назад.

Никого не видела в этом купленном год назад головном уборе. Какой-то залётной птице повезло. Ну, ничего, мне и моя по вкусу, не надоела же за три месяца непрерывного ношения. Даже хорошо, что синяя. Зато немаркая, и цвет самый морской, как и белый. На неё,

несмотря на то, что тёмная, всё равно оборачиваются. Но ни у кого не вызывает отрицательных эмоций. Только улыбки. Только брат подружки спросил:

— Ты и по городу в ней ходишь?

— Хожу. А что?

Молчит.

— А что? А что?! — спрашиваю настойчиво снова и снова.

— Нет, ничего.

И не объясняет, а только ухмыляется со значением, будто знает что-то плохое о панаме.

В нашем городе, если кто не знает, надо одеваться нормально, то есть так, чтобы не оборачивались. Поэтому сначала я немного стеснялась «венецианской» панамы, для райцентра она действительно слишком громоздкая. Даже обращалась к портнихе, чтобы обрезать поля, но резко вдруг передумала, выдернула прямо из-под ножниц. Ведь мечта была именно такого размера. Размер осуществился. Отказываться поздно. И оставила как есть.

О панаме в стиле Тадзю я «замечтала» тот день, когда впервые наткнулась на огромный подарочный альбом «Золотой век кино» в центральном книжном магазине Минска. Стоила она немислимых денег и тогда, лет 10 назад, и сейчас тем более не купить её. Цены подпрыгнули за это время бешено и скачут непрерывно. Может с полчаса я простояла над страницами, заполненными кадрами «Смерти в Венеции» Лукино Висконти. Тогда и родилась идея о панамке. Тогда я полюбила и сине-белую полоску морскую в одежде. А также Дирка Богарда, исполнителя роли Густава фон Ашенбаха, писателя, второго главного героя новеллы,

в фильме же его прототип — композитор Густав Малер. Богард, между прочим, написал воспоминания о съёмках «Смерти». Они печатались в журнале «Искусство кино» за 2007 год. Оттуда читатель мог узнать, что мальчика Тадзю, воплотившего идеал красоты, в свою очередь сильно поразила внешность Сильваны Мангана, матери Тадзю по фильму:

«Бьорн задумчиво теребил в руках свою матросскую шапочку:

— Знаешь, парень, а она здорово красивая. Ты как считаешь?

— Согласен. Забавно, что она сама думает иначе. Говорит, что у неё заурядная внешность.

— Заливаешь! Чтобы она так думала? Да она самая красивая женщина из всех, кого я видел в жизни, парень!

— Вот и скажи ей об этом. Или ты уже говорил?

— Сказать ей! Чокнуться можно.

— Давай вместе пойдём и скажем.

Он удивленно взглянул на меня.

— Скажем! Да она решит, что мы чокнутые!

— Не решит. Если ты действительно думаешь, что она такая красивая, ты просто обязан ей об этом сказать. Ей будет лестно услышать твоё мнение. Я с тобой пойду.

— Ты?

— Обязательно. Мы оба подойдём, станем на колени.

— На колени! — Он ужаснулся и сильнее затеребил шапочку, — Ну ты даёшь, парень!

— Видишь ли, нельзя делать такое заявление, если женщина сидит, а ты стоишь, как столб. Надо преклонить колени.

Что мы и сделали по обе стороны её кресла. Сильвана посмотрела на нас без малейшего удивления.